

ФАНТАЗИИ THE BEST OF

КЛИФФОРД
САЙМАК

Снова и снова

Клиффорд Дональд Саймак

Снова и снова

текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2525195
Клиффорд Саймак. Снова и снова: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-19152-6

Аннотация

Классика мировой фантастики. Возвращение главного героя с далекой и загадочной планеты и случившаяся с ним там метаморфоза приводят к тому, что между людьми и андроидами разгорается пожар войны...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	28
Глава 10	32
Глава 11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Клиффорд Саймак

Снова и снова

Глава 1

Последние желто-зеленые лучи догоравшего солнца еще мерцали на горизонте, когда из глубины сумерек вынырнул человек. Он остановился у изгороди и окликнул сидевшего в кресле мужчину:

– Мистер Адамс, это вы?

Кристофер Адамс вздрогнул от неожиданности и приподнялся. Кресло капризно скрипнуло.

Кто бы это мог быть? – подумал он. Может быть, новый сосед, который, если верить Джонатону, пару дней назад поселился неподалеку? Джонатон – известный сплетник, он знает все, о чем на сто миль в округе болтают люди, андроиды и роботы.

– Входите, – сказал Адамс. – Рад, что заглянули.

Он изо всех сил старался настроиться на добрососедский лад, хотя, по правде говоря, никакой радости не испытывал. Он был скорее раздосадован появлением этой тени из сумерек.

Адамс недовольно поморщился.

Господи! – подумал он. Ни минуты покоя, даже в этот единственный час, который я с таким трудом выкраиваю, чтобы отдохнуть, забыть о работе, чтобы хоть на короткое время окунуться в приглушенную зелень, в тишину театра теней заката. Я так люблю это время... Здесь, в тихом дворике, нет всей этой будничной мороки – отчетов по ментафону, заседаний Галактического Совета, досье на роботов и прочей суеты. Нет проклятых ежедневных головоломок и тайн... Хотя я не прав. И здесь есть тайна. Но она такая неясная, хрупкая, она остается тайной, пока сам того желаешь... Тайна полета ястреба на фоне вечеряющего неба, загадка вспышки светлячка в темных зарослях сирени...

Незнакомец искал, где бы присесть. Адамс не реагировал, мысли его были заняты совсем другим – даже в этот час, час отдыха, он не переставал думать об одном деле, разбирательством которого он занимался последние дни.

...Далекий Альдебаран-12, берег реки, обугленные трупы, а рядом, под деревом, искореженная груда металла, некогда бывшая вездеходом...

Погибли пятеро. Три человека и два андроида, но андроиды – почти люди.

Что они там, перебили друг друга? Странно... Человека мог убить только человек, и то на дуэли, по всем правилам. Месть? Казнь? Что, черт подери?

Жизнь человека священна и неприкосновенна.

Убийство или авария?

Мысль об аварии он отбросил сразу. Исключено. Совершенство техники, почти человеческий интеллект и мгновенная реакция машин на любые виды опасностей уже давно свели к нулю вероятность аварий.

Ни одна машина не могла быть настолько тупа, чтобы вот так просто взять да и врезаться в дерево. Что-то тут было другое. Дерево ни при чем. Дураку понятно.

Убийство? Тоже как-то непохоже. Тогда все выглядело бы иначе. Где убийца? Скрываться глупо. От кого? Суда как такового давно нет, так, всего лишь моральный кодекс...

Три человека погибли. Три человека погибли на расстоянии пятидесяти световых лет отсюда, и это было мучительно важно для него, сидящего здесь, в своем тихом дворике на

Земле. Три человеческие жизни отняты неизвестно кем, нет, это не должно остаться безнаказанным.

Адамс пошевелился в кресле, пытаясь расслабиться, проклиная собственные мысли. Ведь дал же он себе зарок в это время, в час заката, отдыхать и не думать о работе!

– Прекрасный вечер, – сказал незнакомец.

Адамс усмехнулся:

– Вечера всегда прекрасны. Ребята из службы погоды придерживают дождь, пока все не уснут...

В роще у подножия холма слышалась вечерняя песенка дрозда и разлилась по поверхности засыпающего мира, нежно поглаживая его баюкающей рукой. У ручья лягушки, одна за другой, начали пробовать голоса. Вдали, в туманном, почти потустороннем мире, затарахтел козодой. В долине и на холмах то тут то там загорались окна домов.

– Это мое самое любимое время, – вздохнул Адамс.

Он опустил руку в карман и вытащил кисет и трубку.

– Курите? – спросил он.

Незнакомец отрицательно покачал головой.

– Честно говоря, я к вам по делу.

– В таком случае зайдите утром, – сухо ответил Адамс. – Не имею обыкновения заниматься делами в нерабочее время.

– Но речь идет об Эшере Саттоне, – тихо проговорил незнакомец.

Руки Адамса задрожали, рассыпая табак. Он с трудом набил трубку и был рад, что в темноте незнакомец не мог этого заметить.

– Саттон скоро вернется, – сказал тот.

Адамс покачал головой.

– Сомневаюсь. Прошло уже двадцать лет...

– Но вы его до сих пор не уволили!

– Да, – ответил Адамс. – Его фамилия еще значится в платежной ведомости, если вы это имеете в виду.

– А почему, если не секрет? Почему вы его не уволили?

Адамс приминал пальцем табак в трубке и думал, что ответить.

– Трудно сказать. Скорее всего, из сентиментальных соображений. И еще потому, что я в него верю. Только веры почти уже не осталось.

– Ровно через пять дней, – заявил гость, – Саттон вернется. – Он немного помолчал и добавил: – Ранним утром.

– Простите, но это из области невозможного!

– Это зарегистрированный факт.

– Ну знаете, – хмыкнул Адамс, – как можно зарегистрировать то, что еще не произошло?

– В мое время этим никого не удивишь.

Адамс чуть не вскочил на ноги, но сдержался.

– Как вы сказали? В ваше время?

– Да, – без тени смущения ответил незнакомец. – Видите ли, мистер Адамс, дело в том, что я – ваш преемник.

– Послушайте, молодой человек!

– Да никакой я не «молодой человек»! Я вдвое старше вас, представьте себе.

– Что за чушь! У меня нет никаких преемников. И разговора о преемниках сроду не было. И вообще я собираюсь прожить еще лет сто. А то и больше.

– Да, – кивнул незнакомец. – Именно так. Лет сто, а то и больше. Гораздо больше.

Адамс устроился поудобнее, поднес трубку ко рту и зажег спичку плохо слушающейся рукой.

– Ну хорошо, допустим, – сказал он с напускной непринужденностью. – Итак, вы утверждаете, что вы – мой преемник, иначе говоря, вы занимаетесь моими делами после того, как я либо уволился, либо умер. Из этого следует, что вы не иначе как прибыли из будущего. Я, конечно, не верю ни единому вашему слову, но просто так, ради интереса...

– На днях в новостях мелькнуло сообщение, – прервал его незнакомец, – о человеке по фамилии Майклсон, который побывал в будущем.

Адамс фыркнул:

– Читал я эту чушь. Одну секунду он там якобы побывал. А как это, интересно знать, человек может осознать, что он проник в глубь времени на одну секунду? Объясните мне, старому дураку, как это можно понять, измерить, в конце концов? И главное, что от этого меняется?

– Ничего, – согласился незнакомец. – В первый раз – ничего. Но в следующий раз он отправится в будущее уже на пять секунд. На пять секунд, мистер Адамс. А за пять секунд часы протикают пять раз, за пять секунд можно успеть вдохнуть и выдохнуть. Вот и все. Но это – отправная точка. Точка отсчета всего на свете.

– Например, путешествий во времени?

Незнакомец кивнул.

– Я в это не верю, – отрезал Адамс.

– Именно этого я и опасался.

– За последние пять тысяч лет, – продолжал Адамс, попыхивая трубкой, – мы освоили Галактику...

– «Освоили» – не совсем верное слово, если позволите...

– Ну ладно. Захватили, завоевали. Как вам больше нравится. И обнаружили массу удивительных вещей. Гораздо более удивительных, чем могли предполагать. Но никаких путешествий во времени, заметьте! – Он указал на звезды. – Во всей Вселенной еще никто не путешествовал во времени. Никто!

– А теперь это произошло, – возразил незнакомец. – Произошло две недели назад, когда Майклсон вошел в глубь времени всего на секунду. Это начало. Важно начать.

– Ну хорошо, хорошо, – согласился Адамс. – Предположим, что так оно и есть. Что вы действительно человек, который лет так через сто займет мое место. Допустим, вы на самом деле из будущего. Но для чего, скажите ради всего святого, для чего вы прибыли сюда?

– Для того, чтобы предупредить вас о возвращении Саттона.

Адамс пожал плечами.

– Да я и сам бы узнал в свое время. Зачем меня предупреждать? Вернется так вернется, и слава богу.

– Когда Саттон вернется, – холодно ответил незнакомец, – он должен быть убит.

Глава 2

Небольшой, изрядно потрепанный звездолет медленно и плавно, как перышко, опускался на поле, озаренное первыми лучами солнца.

В кресле пилота сидел бородатый мужчина в одежде, потрепанной не меньше, чем корабль. Чудовищное напряжение чувствовалось в его позе.

Непривычно, вертелось в голове. Жутко тяжело и непривычно управлять такой машиной, следить за расстоянием и скоростью... Заставлять тонны металла мягко опускаться, сопротивляясь чудовищной силе притяжения... Намного труднее, чем оторваться от поверхности. Тогда просто не было другой мысли, кроме той, что эта машина не имеет права не подняться, не взлететь...

Сильнейшая вибрация сотрясла корабль. Казалось, он вот-вот развалится на части. Неимоверным усилием воли человек превозмог вибрацию. Корабль продолжал плавный спуск. Теперь до поверхности поля оставалось всего несколько футов.

Уверенно, почти беззвучно корабль коснулся земли.

Еще несколько минут человек сидел в кресле не шелохнувшись, напряженно, затем окаменевшие мышцы одна за другой начали расслабляться.

Устал, думал человек. Труднее работы у меня, пожалуй, в жизни не было. Еще бы пару миль, и я бы не выдержал и разбил корабль...

Вдали, на краю поля, возвышались какие-то постройки. От них отделилась черная точка – автомобиль.

...Сквозь трещины в кабину проникал ветерок. Он щекотал лицо, напоминал, торопил...

– Дышать! – сказал себе человек. – Когда они подъедут, ты должен дышать. Дышать должен, потом должен выйти и улыбнуться. Они не заметят. Ничего не заметят. По крайней мере в первые минуты. Их отвлекут борода и драная одежда. Они будут тебя разглядывать и кое-какие мелочи пропустят. А дышать надо обязательно. Если не будешь дышать – заметят непременно.

Он старательно сделал плоток воздуха, почувствовал, как струя хлынула в горло, обожгла легкие...

Вдох, еще один – наконец воздух обрел запах и суть, вызвал непривычное возбуждение. Но вот неприятные ощущения исчезли, хотя не полностью, избавиться от них оказалось далеко не просто.

Сила воли... Сила воли и сила разума. Вот силы, которые ни один человек не умеет использовать до конца. Сила, способная отдавать телу приказы, и сила, способная завести механизмы, бездействовавшие столько лет...

Вдох, еще вдох. Сердце бьется все ровнее, все увереннее. Желудок. Не бойся, желудок. Печень, теперь твоя очередь, старушка! Сердце, давай в том же духе. Отлично!

Это же не старость, не усталость. Это ни с чем не сравнишь. О тебе позаботились – твой внешний облик сохранен, в любой момент ты можешь подняться по тревоге и включиться.

Но включение оказалось подобно шоку. Инстинктивно он чувствовал: так и будет – и боялся этого момента. Новая жизнь, забытый обмен веществ вызвали почти агонию, шквал в организме...

Теперь нужно заняться приведением в порядок цвета кожи. Вид ее ужасен – трупная синева с радужными разводами. Колоссальная концентрация энергии – и вот игра красок прекратилась. Осталась устойчивая голубизна. Худшее позади...

Руки с такой силой сжали рычаги управления, что суставы металлически хрустнули. Тело покрылось испариной, снова навалилась слабость...

Но нервы успокаивались, кровь пульсировала, и человек понял, что дышит, уже не задумываясь об этом.

Еще минуту он просто сидел расслабившись. Ветерок гулял по кабине, ласково касаясь щек. Автомобиль был уже совсем близко.

– Джонни... – прошептал человек, – мы дома. Мы добрались. Это мой дом, Джонни. То самое место, о котором я столько тебе рассказывал...

Никто не ответил ему. Только где-то в глубине сознания возникло неопишуемое чувство радости, знакомое разве что восьмилетнему мальчишке, который набегался за день и вечером забрался под теплое одеяло.

– Джонни! – крикнул человек. И вновь ощутил брожение радости, в этот миг напомнившее ему удовольствие, что испытываешь, когда сидишь в кресле, уронив руку, и в нее тычется прохладный нос любимой собаки...

...Кто-то барабанил по обшивке корабля.

– Ну ладно, – сказал Эшер Саттон. – Я иду. Все будет в порядке.

Он наклонился, вытащил из-под кресла портфель. Подойдя к выходу, щелкнул замком. Люк открылся, и он сошел на землю.

Там его ждал только один-единственный встречавший.

– Привет, – улыбнулся Эшер Саттон.

– Добро пожаловать на Землю, сэр, – сказал человек, и струны памяти дрогнули от сочетаний звуков в слове «сэр». Саттон остановил взгляд на лбу встречавшего и разглядел неяркую татуировку – серийный номер.

Надо же, он начисто забыл о существовании андроидов! Наверное, вообще о многом забыл. Забыл тысячи привычных мелочей. Они выветрились из памяти за двадцать лет.

Он заметил, что андроид с любопытством разглядывает его. Взор того задержался на разодранной коленке, потом скользнул к босым ногам.

– Там, где я был, – резко сказал Саттон, – я не имел возможности каждый день покупать новые костюмы.

– Конечно, сэр, – ответил андроид.

– А борода, – продолжал Саттон, – потому, что бриться было нечем.

– Ну что вы, сэр, я видел бородатых и раньше, – смущенно воскликнул андроид.

Саттон стоял не двигаясь и смотрел на раскинувшийся перед ним мир: на устремленные в небо верхушки башен, сверкающие в лучах рассветного солнца, на зелень парков и лугов, на голубые и алые вспышки цветов на склонах холмов.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как воздух живой струей наполняет самые дальние уголки легких, которые так соскучились по нему...

Откуда-то из глубины памяти всплыли и нахлынули воспоминания. О жизни на Земле, о первых лучах солнца, о пожарах закатов, о ярко-синем небе, о росе на траве, о быстром течении человеческой речи, о радостных звуках музыки, о дружелюбии птиц и белок, о покое и счастье...

– Машина ждет, – прервал воспоминания голос андроида. – Я отвезу вас к патрону.

– Я бы предпочел прогуляться, – ответил Саттон.

Андроид покачал головой.

– Он ждет, сэр, и просил поторопиться.

– Ну, если так, то, конечно, поехали.

Сиденье было мягкое, и Саттон почти утонул в нем, не выпуская из рук портфеля.

Машина мчалась вперед, а он смотрел вокруг, очарованный зеленью.

– Зеленые поля Земли... – тихо пробормотал он. – Или там было «зеленые доли»? Ладно, не так уж важно. Эта песня написана давным-давно, когда на Земле еще были поля, а не стриженные газоны, когда человек обрабатывал землю из куда более практических сооб-

ражений, чем разбивка цветников... Это было давно, тысячу лет назад, когда человек только начинал ощущать, как Вселенная стучится в его душу. Задолго до того, как Земля стала столицей и административным центром Галактической империи.

Вдали, у самой линии горизонта, пошел на взлет громадный лайнер. Он отдал Земле прощальный поклон и скоро превратился в крошечную серебристую точку в синеве небес. Еще через мгновение точка вспыхнула червонным золотом в лучах солнца, и ее поглотила кружевная дымка небес.

Взгляд Саттона вновь вернулся к Земле. И он как будто растворился в ее красоте, словно, пережив долгую зиму, впервые окунулся в настоящее ласковое тепло весны...

Вдали, на севере, возвышались башни-близнецы Департамента Инопланетных Связей. На востоке сверкала громада из стекла и пластика – Североамериканский университет. Другие здания... Другие он забыл, не помнил их назначения. Уже не помнил.

Небоскребы располагались на довольно значительном расстоянии друг от друга, между ними раскинулись парки, а жилые дома скрывались за деревьями и зелеными изгородями.

Машина въехала на стоянку у административного здания космопорта.

– Прошу вас, сэр, – сказал андроид, открывая дверь.

В приемной было занято несколько кресел; в ожидании приема большей частью сидели люди.

Что люди, что андройды, подумал Саттон. Ни за что не отличишь, пока на лоб не посмотришь.

Метка на лбу – штамп производителя – предупреждающее клеймо: «Это не человек, хотя очень похож».

Вот кто меня выслушает. Вот те, кому будет не все равно, кто поможет мне, если люди отвернутся. Потому что быть андроидом хуже, чем быть человеком. Их родила не мать, а лаборатория. Их мать – смесь химических веществ. А отец – высшая ступень развития технологической мысли.

Андроид – искусственный человек. Человек, созданный в лаборатории на основании глубочайших человеческих знаний о собственной химической, атомной и молекулярной структуре и том таинственном понятии, что именуется жизнью.

Настоящие люди, но с двумя исключениями – метка на лбу и неспособность к биологическому размножению. Искусственные люди, созданные в помощь настоящим, несущие на своих плечах тяжкий груз забот Галактической Империи, помогающие тонкой прослойке человечества стать немного шире. При всем том им отведены определенные рамки, за которые выходить не полагалось.

Коридор был пуст. Саттон, шаркая босыми ногами, шел следом за андроидом.

Они остановились перед дверью с табличкой:

ТОМАС Г. ДЭВИС

(человек)

Начальник оперативной службы

– Входите, – пригласил андроид.

Саттон вошел в кабинет. Человек, сидевший за письменным столом, вздрогнул.

– Я человек, – сказал ему Саттон. – Может, странно выгляжу, но я человек.

Дэвис указал на стул.

– Присаживайтесь, – с вежливой улыбкой произнес он.

Саттон сел.

– Почему вы не отвечали на наши сигналы? – спросил Дэвис.

– У меня сломался передатчик, – ответил Саттон.

– На вашем корабле нет названия.
– Название смыли дожди. А краски у меня не было.
– Дождь не может смыть краску.
– Ну, это на Земле. Там, где я был, это вполне возможно.
– А ваши двигатели? – поинтересовался Дэвис. – Мы их не запеленговали.
– Они не работали, – ответил Саттон.
– Не работали? Интересно. А как же вы управляли кораблем?
– С помощью энергии, – скрывая раздражение, ответил Саттон.
– С помощью энергии... – повторил Дэвис, сглотнув слюну, и замолчал. Ответы его явно не устроили.

Саттон смерил Дэвиса ледяным взглядом.

– Есть еще вопросы?

Дэвис повертел в пальцах карандаш.

– Самые обычные, если не возражаете. – Дэвис выложил на стол несколько бланков. –

Имя?

– Эшер Саттон.

– Способ передвижения... Стоп! Подождите, как вы сказали? Эшер Саттон?

Дэвис сунул карандаш в стаканчик и отодвинул его.

– Именно так, – подтвердил Саттон.

– Почему же вы сразу не сказали?

– Потому что вы не спрашивали.

Дэвис был как будто взволнован.

– Если бы я знал... – пробормотал он.

– Может быть, дело в бороде? – спросил Саттон.

– Да нет! Отец часто рассказывал о вас. Джим Дэвис. Вы его случайно не помните?

Саттон покачал головой.

– Он был большим другом вашего отца. Ну, то есть... вернее сказать, они были знакомы.

– Очень рад. Ну и как поживает мой отец?

– О, отлично! – с энтузиазмом ответил Дэвис. – Постарел, правда, но держится молодцом.

– Мой отец, так же как и моя мать, – стиснув кулаки, произнес Саттон, – погиб пятьдесят лет назад во время пандемии на Аргусе.

Он поднялся и, глядя на Дэвиса в упор, добавил:

– Если вопросов больше нет, я предпочел бы отправиться в гостиницу. Надеюсь, там найдется номер для меня.

– Ну конечно, мистер Саттон, безусловно. Вам надо отдохнуть, – засуетился Дэвис. – Где бы вы хотели остановиться?

– В «Орионе», как обычно.

Дэвис выдвинул ящик, вытащил справочник, полистал его, провел пальцем по странице сверху вниз.

– Код для телепортации – «Черри 26 – 3489». Кабина рядом.

– Благодарю вас, – ответил Саттон.

– Что касается вашего отца, мистер Саттон...

– Я все прекрасно понял. Можете не извиняться.

Саттон вышел из кабинета и направился к телепортационной кабине. Но прежде чем закрыть за собой дверь, он резко оглянулся.

Дэвис уже с кем-то возбужденно разговаривал по видеофону.

Глава 3

Гостиница «Пояс Ориона» за двадцать лет не изменилась. На взгляд Саттона, все выглядело, как в тот день, когда он покинул Землю. Немного обшарпанный, постаревший дом, где по-прежнему царила атмосфера существования на цыпочках, с пальцем, прижатым к губам, подчеркнутая предупредительность, тихий шорох приглушенной жизни... Все это он помнил и тосковал об этом в долгие годы отчуждения и одиночества.

Живая картина на стене холла была все та же. Неизменный сатир и через двадцать лет продолжал догонять все ту же перепуганную нимфу. И все тот же заяц выпрыгивал из-за куста и с привычной скукой наблюдал за погоней, меланхолично пожевывая неизменный пучок клевера.

Мебель, принимавшая формы тела, вышла из моды еще тогда, двадцать лет назад, но все еще стояла на своих местах, правда, ее перекрасили в мягкие пастельные тона.

Пористое покрытие на полу пружинило чуть меньше, а цефейский кактус, видимо, приказал долго жить: на его месте красовалась начисто лишенная экзотики земная герань.

Из кабины видеофона вышел служащий.

– Доброе утро, мистер Саттон, – сказал он хорошо поставленным голосом андроида. Потом добавил: – А мы все ждали, когда же вы вернетесь.

– Двадцать лет? – удивился Саттон. – Долгонько вам пришлось ждать.

Андроид невозмутимо продолжал:

– Мы сохранили ваш костюм. Знали, что он вам понадобится. Все чистое и выглаженное.

– Очень любезно с вашей стороны, Фердинанд.

– А вы почти не изменились, – сказал Фердинанд. – Только бороду отпустили. Но я-то вас сразу узнал.

– Борода и одежда, – уточнил Саттон. – Одежда в жутком состоянии, сами видите.

– Ну что вы, не так уж... – с вежливой улыбкой ответил Фердинанд. – У вас есть багаж, мистер Саттон?

– Нет.

– Тогда, может быть, желаете позавтракать?

Саттон смутился, внезапно ощутив, что действительно голоден. Мгновение он соображал, как пища может подействовать на отвыкший от нее желудок.

– Желаете посмотреть меню?

Саттон покачал головой.

– Да нет, не нужно. Я лучше пока приму душ и побреюсь. А завтрак потом пришлите в номер. Все равно что. И одежду.

– Может быть, омлет? Вы раньше всегда заказывали омлет на завтрак.

– С удовольствием, – ответил Саттон, отошел от стойки и усталой походкой направился к лифту.

Он уже собирался закрыть дверь, когда услышал:

– Подождите, пожалуйста!

Он обернулся. Через холл бежала стройная рыжеволосая девушка. Она скользнула в кабину лифта и прижалась к стенке спиной.

– Огромное спасибо, что подождали, – переведя дыхание, сказала она.

Кожа у нее была белая, как цветок магнолии, а глаза глубокого серого цвета. Как гранит, подумал Саттон.

– Мне было приятно подождать вас, – сказал он и мягко закрыл дверь кабины.

Девушка смерила его любопытным взглядом, и губы ее дрогнули в улыбке. Саттон улыбнулся в ответ.

– Знаете, терпеть не могу обувь. Жутко трет, – простодушно признался он и нажал кнопку.

Лифт тронулся, мелькая огоньками этажей.

– Я приехал, – сказал Саттон, когда кабина остановилась. – Всего доброго.

– Мистер!

– Да, в чем дело?

– Я не собиралась над вами смеяться! Честное-пречестное слово, даже и не думала!

– А я и не обиделся. Почему бы вам не посмеяться! – с улыбкой ответил Саттон и закрыл дверь.

Минуту он постоял у лифта, пытаясь побороть охватившее его волнение.

Спокойно, сказал он себе. Полегче, парень. Как минимум ты дома. Вот место, о котором ты мечтал. Десятка три шагов – и все. Подойдешь, повернешь ручку, толкнешь дверь, а там все будет точно так, как ты запомнил. Любимое кресло, живые картины на стенах, маленький фонтан с венерианскими русалками и окна, из которых видна Земля... Но никаких эмоций. Раскисать нельзя. Потому что тот тип в космопорту врал. И в гостиницах по двадцать лет номера не держат.

Что-то тут не так. Непонятно пока, что именно, но что-то катастрофически не так...

Он сделал шаг, потом еще один... Шел медленно, борясь с волнением, часто сглатывая слюну...

На одной из картин, вспоминал он на ходу, был лесной ручей, деревья на берегу и птицы, перелетавшие с ветки на ветку. В самые неожиданные моменты какая-то из птиц начинала петь. Чаще всего – на рассвете или на закате. Вода в ручье заливалась радостной песенкой, и слушать ее, утонув в глубоком кресле, можно было бесконечно.

Он вдруг понял, что бежит, но даже не попытался остановиться.

Пальцы сжали ручку, повернули ее... Вот она, его комната: любимое кресло, бормотание ручейка, плеск русалочьих хвостов.

Опасность он почувствовал сразу, еще не успев переступить порог. Хотел бежать, но было поздно. Ноги подкосились, он упал.

– Джонни! – захлебнулся он собственным криком.

Перед тем как погрузиться в темноту, Саттон успел услышать еле различимый шепот:

– Все нормально, Эш. Мы в ловушке.

Глава 4

Когда Саттон очнулся, то сразу понял, что в комнате кто-то есть; не открывая глаз, он продолжал дышать ровно, спокойно, как будто еще спал.

Итак, в комнате кто-то был. Сейчас он стоит у окна, теперь перешел к камину. Остановился. Наверное, разглядывает картину. Было так тихо, что Саттон сквозь плеск воды в фонтане слышал смеющееся журчание ручья и тихое пение птиц на ветвях деревьев, и ему даже показалось, что он отчетливо чувствует запахи хвои, листвы и мха, покрывавшего берега ручья.

Неизвестный сделал еще несколько шагов и сел в кресло, насвистывая какую-то незнакомую легкомысленную песенку.

Значит, меня обыскали, подумал Саттон. Сначала одурманили каким-то быстродействующим газом, а потом обыскали и обследовали. Господи, что же они со мной делали? Все как в тумане. Он с трудом вспоминал... Мелькали огоньки приборов, на голове – датчики... Я мог бы сопротивляться, но понимал, что это бесполезно. И потом, мне нечего было скрывать от них. Что выкопали, то выкопали, и черт с ними. Тем лучше. До главного им все равно не добраться. И он мысленно ободряюще похлопал себя по плечу.

Теперь они ушли. Узнали, что хотели, и ушли, оставив кого-то приглядывать за мной. И этот кто-то сейчас здесь.

Саттон пошевелился и открыл глаза, делая вид, что он только что очнулся.

Неизвестный встал и подошел к нему. Саттон увидел на нем белый халат.

– Ну, пришли в себя? – спросил доктор, наклонившись над кроватью.

Саттон вяло поднял руку и рассеянно провел ею по лицу.

– Да, пожалуй, да...

– Вы потеряли сознание, – сказал доктор. – Видимо, очень устали.

– Да, – отозвался Саттон. – Чертовски устал.

Продолжай! – думал он. Давай спрашивай еще. Тебя же проинструктировали. Лови меня на слове, пока я слаб и беспомощен. Качай из меня информацию, как воду из колодца. Ну давай, спрашивай, зарабатывай свои вонючие деньги!

Но он ошибся.

Врач выпрямился.

– Надеюсь, вам скоро станет лучше, – сказал он. – Но если почувствуете себя неважно, позвоните. Я оставил на камине визитную карточку.

– Благодарю вас, доктор, – ответил Саттон.

Он проводил врача взглядом, дождался, пока закрылась дверь, и рывком сел. Быстро осмотрел номер. Одежда валялась кучей посреди комнаты. Портфель? Лежит на стуле. Обыскан, без сомнения. Содержимое, конечно, сфотокопировано. Всю комнату, конечно же, пронизывают насквозь лучи-шпионы. Уши слушают, глаза глядят.

Но кто? Кто, черт возьми? – спрашивал он себя. Ведь о его возвращении не знала ни одна живая душа. Никто не мог даже догадываться. Даже Адамс. Об этом просто невозможно было узнать. Как же они узнали?

Странно... Странно, Дэвис в космопорту прекрасно знал его имя, а потом начал врать и изворачиваться, чтобы скрыть это.

Странно и то, что Фердинанд солгал, – они, видите ли, двадцать лет берегли его старый костюм. Чушь какая! Но еще более странно, что Фердинанд, обернувшись, заговорил с ним так, как будто он отсутствовал не двадцать лет, а каких-нибудь пару дней, не больше.

Все было организовано, думал Саттон. Отработано до мельчайших деталей. Механизм, точный, как хронометр, был заведен на момент моего появления. Но кто мог меня ждать?

Еще раз, с самого начала: никто не знал, что я вернусь. Что я вообще вернусь. Даже если, допустим, кто-то и знал, для чего было затевать всю эту суету?

Откуда им знать, думал он, что у меня с собой. Даже если бы знали, что я возвращаюсь, и то это было бы в миллион раз вероятнее, чем если бы знали, почему именно я возвращаюсь. А если бы узнали – не поверили... Конечно, если бы они осмотрели корабль, вот там-то им было бы, чему удивиться. Тогда то, что происходит, еще можно хоть как-то объяснить. Но у них не было времени осмотреть его. Нет, им нужен был именно я, я сам, и они начали меня обрабатывать с первой же секунды после приземления.

Дэвис отправил меня в телепортационную кабину, а сам, как сумасшедший, стал кому-то названивать. Фердинанд знал, что я приду. Знал, что, обернувшись, увидит именно меня. Ну а девушка – та, рыжеволосая? Тоже из этой компании?

Саттон встал, потянулся.

Значит, так, сказал он себе, сначала под душ и бриться. Потом одеться и позавтракать. Потом сделать пару звонков по видеофону. Нельзя вести себя так, как будто все кончено, уговаривал он себя. Вести себя надо так, как будто ничего не произошло. Выше нос. Поговори сам с собой. Это помогает. Ну в зеркало погляди. На кого ты похож? Душераздирающее зрелище. Давай-давай, в порядок себя приводи. И вообще, чувствуй себя как дома. Но будь внимателен, понял? За тобой следят.

Глава 5

Саттон заканчивал завтрак, когда в дверь постучали и вошел тихий, застенчивый андроид.

– Меня зовут Геркаймер, – представился он. – Я принадлежу мистеру Джеффри Бентону.

– Вас мистер Бентон послал?

– Да, сэр. Он прислал вам вызов.

– Вызов?!

– Да, сэр. Вызов на дуэль.

– Но... у меня нет никакого оружия, – ответил Саттон первое, что пришло в голову.

– Не может быть, – удивленно сказал Геркаймер.

– Да я ни разу в жизни не дрался на дуэли, – ответил вконец обескураженный Саттон. – Да и сейчас, признаться, особого желания не испытываю.

– Простите, сэр, но у вас нет выбора.

– Что значит «нет выбора»? Выходит, я должен отправиться к вашему хозяину безоружным, так, что ли?

– Но вы не должны быть безоружным, сэр. Вы разве не знаете? Пару лет назад вышел новый закон. Теперь ни один мужчина моложе ста лет не должен ходить без оружия.

– Ну а если у меня его нет, тогда как?

– Тогда, – с искренним сожалением в голосе ответил Геркаймер, – всякий, кто захочет, может пристрелить вас, сэр, извините, как котенка.

– И вы совершенно уверены в том, что говорите?

Геркаймер полез в карман и вытащил небольшую книжечку. Послужив палец и перелистал страницы.

– Вот, прочитайте!

– Да нет, не нужно. Верю вам на слово.

– Значит, вы принимаете вызов? – обрадованно спросил Геркаймер.

Саттон печально улыбнулся.

– А куда деваться? Надеюсь, мистер Бентон подождет, пока я куплю себе пистолет?

– Не беспокойтесь! – радостно засуетился Геркаймер. – Пистолет я вам принес. Мистер Бентон прислал. На всякий случай. Этикет, понимаете. Вдруг у кого оружия нет при себе.

Он полез в другой карман и вытащил пистолет. Саттон взял его и положил на стол.

– Довольно дурацкая штукавина, – сказал он, разглядывая оружие.

Геркаймер слегка смутился.

– Стандартный, – сказал он. – Самый лучший. Сорок пятого калибра. Пристрелян на пятьдесят футов.

– Вот тут потянуть? – ткнул пальцем Саттон.

Геркаймер кивнул:

– Это спусковой крючок, сэр. Только его не тянут, как вы сказали, а нажимают.

– Послушайте, если не секрет, а почему мистер Бентон меня вызывает? Чем я ему не угодил, ведь я его ни разу в жизни не видел?

– Зато вы очень знамениты, сэр!

– Ну, это сомнительно...

– Нет-нет, что вы! Вас все знают. Вы – космонавт-исследователь, вернулись на Землю из долгой экспедиции. Еще у вас с собой загадочный портфель. А внизу, сэр, вас ожидают репортеры.

– Ага, я, кажется, начинаю понимать: ваш мистер Бентон предпочитает приканчивать знаменитостей.

– Да, это его больше устраивает. Шумиха, разговоры...

– Но я не знаком с вашим мистером Бентоном! Должен же я, черт подери, хотя бы знать, с кем я, в конце концов, стреляюсь.

– Я вам покажу его, – сказал Геркаймер дрожащим от испуга голосом. – Вот... сейчас... вы его увидите.

Он подошел к видеофону, набрал на панели номер и отошел в сторону.

– Вот он, сэр!

На экране возник мужчина, сидевший в позе глубокой задумчивости за шахматным столиком. Партия была разыграна наполовину. С противоположной стороны столика разместился довольно симпатичный робот. Мужчина взял слона, повертел его, сделал ход. Робот заворчал, защелкал и пошел пешкой. Бентон ссутулился, склонился над доской, поскреб затылок волосатой пятерней.

– Оскар огорчил его, – хихикнул Геркаймер. – Всегда так. Все время огорчает мистера Бентона. Бедняга, ни одной партии не выиграл за десять лет!

– Зачем же он играет?

– Упрямый, – ответил Геркаймер. – И Оскар упрямый. Хотя... машины и должны быть упрямее людей. Так устроены.

– Следовательно, ваш хозяин заранее знал, что Оскар всегда будет выигрывать. Человек просто не способен обыграть робота-профессионала!

– Знать-то он знал, да не поверил. Сам хотел убедиться.

– Самовлюбленный маньяк! – процедил Саттон.

Геркаймер внимательно посмотрел на него.

– Пожалуй, вы правы, сэр, – сказал он осторожно. – Признаться честно, я и сам иногда так думаю.

Саттон снова взглянул на Бентона. Тот продолжал сидеть, склонившись над доской, подперев кулаком массивный подбородок. Обрюзгшее лицо его было покрыто тонкой сетью расширенных кровеносных сосудов, взгляд был тупой, почти бессмысленный.

– Ну, сэр, будем считать, познакомились? – спросил Геркаймер.

Саттон кивнул:

– Да, пожалуй, при встрече я его узнаю. Честно говоря, он не кажется мне таким уж страшным.

– Он убил уже шестнадцать человек, – холодно сказал Геркаймер. – Дал обет двадцать пять убить, тогда успокоится.

Посмотрев Саттону прямо в глаза, он добавил тихо:

– Вы семнадцатый.

– Постараюсь облегчить его задачу, – обреченно ответил Саттон.

– Как вы предпочитаете драться, сэр? Я имею в виду – официально или нет?

– Знаете что? Меня бы устроило что-то вроде кетча.

Геркаймер был явно недоволен.

– Но... существуют определенные правила...

– Можете передать мистеру Бентону, что засаду я устраивать не собираюсь.

Геркаймер повертел в руках кепку, надел ее.

– Желаю удачи, сэр, – сказал он.

– Ну спасибо, Геркаймер, – с усмешкой ответил Саттон.

Когда за андроидом закрылась дверь, Саттон еще раз взглянул на экран. Бентон сделал рокировку. Оскар защелкал, замигал, передвинул слона на две клетки и объявил шах королю Бентона.

Саттон выключил видеофон.

Потирая ладонью гладко выбритый подбородок, он размышлял: совпадение или нет? Пока трудно понять...

Одна из русалок забралась на бордюр фонтана и, балансируя трехдюймовым тельцем, что-то просвистела. Саттон оглянулся.

Русалка нырнула и стала плавать кругами, подмигивая весьма недвусмысленно. Пожав плечами, Саттон дотянулся до панели видеофона, вытащил справочник, быстро перелистал страницы...

ИНФОРМАЦИЯ (для землян)

И подзаголовки:

Питание
Культура
Ритуалы

Ага, вот это то, что надо. Ритуалы. Он отыскал слово «дуэль», набрал номер. Переключил рычажок на прямую связь. На экране возникла бесстрастная физиономия робота.

– К вашим услугам, сэр, – произнес робот.

– Видишь ли, тут такое дело... Меня вызвали на дуэль.

Робот ожидал вопроса.

– А я не хочу драться, – сказал Саттон. – Нет ли какого-нибудь хитрого юридического хода, чтобы отказаться поизящнее? Можно что-нибудь придумать?

– Нельзя, – отрезал робот.

– Что, прямо-таки никак нельзя?

– Вы моложе ста лет? – спросил робот.

– Да.

– Вы здоровы и в трезвом уме?

– Ну... думаю, что да.

– Точнее. Да или нет?

– Да.

– Не принадлежите ли вы к какой-нибудь религиозной секте, где убийство запрещено?

– Вообще-то, я всю жизнь считал себя христианином. А в христианстве есть заповедь «Не убий».

Робот покачал головой:

– Это не считается.

– Но сказано же четко и ясно, – заспорил Саттон. – «Не убий!»

– Сказано-то оно сказано, – ответил робот, – но заповедь дискредитирована. Вами же, людьми, между прочим. Вы, по существу, никогда ее и не исполняли. То есть, вы вольны как исполнять ее, так и, наоборот, разрушать. Это та вещь, которую вы забываете на вдохе, а на выдохе вспоминаете, образно говоря.

– Тогда я, пожалуй, пропал, – произнес Саттон.

– В соответствии с пересмотром от 7990 года, – продолжал робот официальным тоном, – принят закон, что всякий мужчина моложе ста лет, здоровый умственно и физически и свободный от религиозных установок (если таковые имеются, он должен обратиться в апелляционную комиссию), получив вызов, обязан драться на дуэли.

– Понятно, – обреченно проговорил Саттон.

– История дуэлей, – продолжал робот более оживленно, – весьма интересна и увлекательна.

– Что может быть увлекательного? Варварство одно, – пробурчал Саттон.

– Возможно. – В голосе робота появились менторские нотки. – Но людям оно свойственно до сих пор и не только в этом аспекте.

– А ты, однако, наглец! – отметил Саттон.

– А надоело мне все, – признался робот. – Чертовски устал я от вашего человеческого самодовольства. Вот вы говорите, что отменили войны, а что на деле? Вы просто все устроили так, что другие не осмеливаются напасть на вас. Говорите, что покончили с преступностью. Покончили, конечно. С чьей угодно, только не с собственной. Причем, честно признаться, та преступность, с которой покончено, по человеческим-то меркам и не преступность вовсе. Так, детские шалости.

– Послушай, дружище, – доверительно сказал Саттон. – А ты не рискуешь, произнося подобные речи?

– А вы можете выключить меня, когда надоест, – ответил робот. – Моя жизнь немного стоит, так же как и моя работа. – Поймав взгляд Саттона, он заторопился: – Постараюсь объяснить, сэр, а вы послушайте... На протяжении всей своей истории человек был убийцей. С самого начала своего существования он был хитер и жесток, хотя слаб и уязвим, вот он и научился пользоваться дубинкой и камнями. Вначале были твари, которых он не умел убивать. Убивать могли они. Но человек был хитер, дубинкой и каменным топором он стал убивать мамонтов и саблезубых тигров, которых голыми руками не возьмешь. Так он обрел власть над животными и истребил всех, кроме тех, которым милостиво позволил служить себе. Но уже тогда, когда он дрался с животными, он дрался и с себе подобными. Животные были побеждены, но продолжались другие битвы: человека с человеком, народа с народом.

– Все это в прошлом, – возразил Саттон. – Уже более тысячи лет назад войны прекратились. Теперь людям нет нужды убивать.

– Вот в этом-то и загвоздка, – сказал робот. – Действительно, теперь как будто нет нужды ни сражаться, ни убивать. О, ну разве только в исключительных случаях, где-нибудь на далеких планетах, где иной раз приходится кого-нибудь прикончить из соображений самозащиты или, как у вас говорится, для поддержания торжества власти человечества. Но, по большому счету, необходимость в убийстве действительно отпала. И все же вы убиваете. Вы без этого просто не можете! Древняя жестокость сидит в вас. Вы упиваетесь властью, а убийство – одно из проявлений власти. У вас это в крови. Вы вынесли это из пещер. Теперь вам осталось одно: убивать друг друга, чем вы и занимаетесь, сочинив для этого красивое название – «дуэль». В общем-то, вы понимаете, что это нехорошо, но вы – лицемеры и поэтому разработали целую систему понятий, чтобы вся эта мерзость выглядела прилично, даже благородно. Вы называете это ритуалом, рыцарством или, по крайней мере, стараетесь думать, что это так. Вы одеваете убийство в блестящие одежды вашего порочного прошлого, укутываете его в пелену красивых слов, но слова – чушь. Король-то голый!

– Послушай, – прервал его Саттон, – я же как раз не хочу драться на этой проклятой дуэли! Я так сразу и сказал!

В голосе робота прозвучала радость мщения:

– Придется! Деваться-то некуда. Но могу кое-что подсказать, если желаете. Я знаю уйму всяческих хитрых способов...

– Постой, это как же? Мне показалось, что ты как раз против дуэлей.

– Ну, против, – согласился робот. – Но это моя работа. Я к ней привык. Стараюсь работать получше, а про себя думаю другое, вот, с вами по душам поговорил. А сколько я всего знаю, сэр... Могу рассказать вам о любом человеке, когда-либо дравшемся на дуэли. Могу часами разглагольствовать о преимуществах пистолетов перед рапирами. Но если надо будет – начну превозносить рапиры... Могу поведать вам о вольных стрелках Дикого Запада, о чикагских гангстерах, о ямайских пиратах, о...

– Спасибо, не нужно, – отказался Саттон.

– Неужели не интересно?

– Интересно, но у меня мало времени, – ответил Саттон и протянул руку к панели видеофона.

– Но, сэр, – взмолился робот. – У меня так редко бывает возможность! Так мало запросов. Всего лишь часок-другой, а? Может, все-таки послушаете?

– Нет, – твердо отказался Саттон.

– Ну, нет так нет. Скажите хотя бы, кто вас вызывает?

– Бентон. Джеффри Бентон.

Робот присвистнул.

– Что, плохо дело?

– Не то слово, сэр, – ответил робот.

Саттон выключил видеофон.

Он откинулся в кресле, разглядывая лежавший на столе пистолет. Потом протянул руку и взял его. Рукоятка удобно легла в ладонь. Саттон поднял пистолет и прицелился в дверную ручку. Удобная штука! Почти часть тела. Внутри нее чувствовалась власть. Власть и господство. Он как будто сразу стал сильнее. Сильнее и опаснее. Он огорченно вздохнул и положил пистолет на место.

А робот-то был прав, мелькнуло в голове.

Он встал, подошел к видеофону и набрал номер. На экране возник Фердинанд.

– Меня кто-нибудь ждет внизу, Фердинанд?

– Никого нет, – ответил тот.

– Кто-нибудь спрашивал?

– Никто, мистер Саттон.

– Репортеры, фотографы?

– Нет, мистер Саттон. Вы их ждете?

Саттон ничего не ответил и выключил видеофон, чувствуя себя в высшей степени покурачки.

Глава 6

Людей в Галактике было немного: тут – один, там – горстка. Хрупкие комочки плоти и крови, призванные держать под контролем всю Галактику. Слабые плечи, на которых покоилась мантия людского величия, шлейф которой тянулся через многие и многие световые годы.

Но человек удерживал звездные форпосты не физической силой, а силой разума, колоссальной интуицией и еще – непоколебимой убежденностью в том, что он, человек, является венцом творения всего живого в Галактике, несмотря на обилие фактов, способных опровергнуть эту убежденность. (Такие факты изучали, оценивали и выбрасывали в корзину для бумаг.) Человек с презрением относился к любым цивилизациям, если их величие не сопровождалось агрессивностью и жестокостью.

Слишком тонкая прослойка, твердил про себя Адамс. Слишком тонкая да еще и неравномерная. В принципе, единственный человек в компании с дюжиной андроидов и сотней роботов мог бы управлять Солнечной системой – мог бы, при необходимости. Через какое-то время, если удастся сохранить уровень рождаемости, людей станет много больше, но для этого понадобится не одна сотня веков, так что пока в руках человека только ключевые объекты – планета-другая на целую планетную систему, да и то не на каждую. Поскольку людей не доставало, процесс управления Галактикой напоминал чехарду. Были определены стратегические сферы влияния, и особое внимание уделялось только наиболее богатым и влиятельным цивилизациям. Места для экспансии хватало на миллионы лет вперед... Если через миллион лет во Вселенной останутся люди, если живущие на других планетах позволят человечеству выжить, не возжелав в один прекрасный день дорого заплатить за уничтожение рода человеческого...

Цена будет высокая, размышлял Адамс, разговаривая сам с собой. Но произойти это может, и сделать это будет нетрудно. Работы на несколько часов. Утром люди есть, а вечером их нет. Что с того, что за одну человеческую жизнь будут отданы тысячи жизней других существ. В определенной ситуации такая цена может оказаться и не столь уж высокой.

Уже сейчас кое-где существуют островки напряженности и сопротивления, где нужно соблюдать предельную осторожность, а то и обходить стороной эти места. Как на 61-й Лебеда, к примеру. Пока все держится на абсолютной и бесповоротной уверенности человека в том, что он неприкасаем, что ему не положено погибать.

И тем не менее пятеро погибли: три человека и два андроида, погибли на берегу реки, на Альдебаране-12, всего в нескольких милях от Андрелона, главного города планеты.

Это не несчастный случай, никакого сомнения.

Адамс пробежал глазами параграф из последнего отчета Торна.

«Сила действовала извне. Мы обнаружили отверстие, прожженное в защитном покрытии атомного двигателя. Силой кто-то управлял, в противном случае разрушение было бы полным. Автоматика сработала и предотвратила взрыв двигателя, но машина потеряла управление и врезалась в дерево. В районе катастрофы отмечена интенсивная радиация».

Торн отличный парень, думал Адамс. Он ничего не упустил, моментально направил роботов по горячим следам.

Но из отчета мало что было понятно, очень мало, чтобы получить ответ. Одни вопросы, новые вопросы.

Пятеро погибли, и этим сказано все. Но, увы, ни следов, ни отпечатков пальцев, ничего, что могло бы хоть как-нибудь помочь расследованию.

В нескольких метрах от расprostертых на земле тел валялась беспомощная машина, практически распоротая надвое стволем дерева. Машина, у которой, как и у погибших, уже

ничего не спросишь. Уникальная машина, не имеющая аналогов в Галактике, но теперь абсолютно бесполезная.

Торн докопался бы. Он мог исследовать на солидографах все, что там осталось, – все до последнего искореженного кусочка металла, стекла, пластика; провести анализы, построить графики, ввести данные в компьютеры, а уж они тщательно, молекулу за молекулой, исследовали бы все до конца. Что-нибудь да обнаружили бы. Почему...

Адамс отложил отчет в сторону и откинулся в кресле. Рассеянно прочитал свое имя и фамилию на двери кабинета. Туда, потом обратно. Медленно, старательно. Как будто впервые видел или как будто разгадывал ребус. Потом так же рассеянно прочитал то, что было написано ниже:

Инспектор бюро инопланетных связей
Департамент Галактических Исследований
Сектор № 16
(Юстиция)

Послеполуденное солнце ласково согревало голову, шаловливо щекотало серебристые усы...

– Пятеро погибли...

Господи, как же ему хотелось перестать думать об этом! Есть дела поважнее. Хотя бы эта заварушка с Саттоном. Адамс как раз ожидал новостей по этому поводу.

Но мысли возвращались к фотографии, последней фотографии из отчета Торна, и он никак не мог выбросить ее из головы. Разбитая вдребезги машина, изуродованные трупы и гигантские клубы дыма над местом катастрофы... Серебристая река молчаливо несла вдаль свои воды, и безмолвие чувствовалось даже на снимке. А вдали, на фоне розоватого неба, виднелась паутина строений Андрелона...

Адамс улыбнулся.

Альдебаран-12, думал он. Там, наверное, красиво...

Он никогда там не был и вряд ли уже побывает. Слишком много планет, нечего и надеяться побывать везде и увидеть все собственными глазами.

Когда-нибудь, наверное, настанет время, и система телепортации сможет действовать на расстояниях, измеряемых световыми годами, а не паршивыми милями, как сейчас. Может быть, тогда человек сумеет ступить на любую, какую пожелает, планету – на день, да хоть на час, чтобы потом с гордостью сказать: «Я там был!»

Конечно, Адамсу вовсе не обязательно везде присутствовать лично. У него повсюду глаза и уши, на всех населенных планетах инспектируемого им сектора.

На Альдебаране – Торн. Торн – надежный парень. Он бы не успокоился, пока не добыл бы всю, до последнего грамма, информацию из груды разбитого металла и почерневших трупов.

Боже, как я хочу забыть об этом! – продолжил Адамс безмолвную беседу с самим собой. Это важно, конечно, но не важнее же всего остального!

Размышления Адамса прервал звонок. Он встрепенулся и нажал рычажок на пульте связи.

– Адамс слушает.

Голос андроида произнес:

– На связи мистер Торн, сэр. По ментафону из Андрелона.

– Благодарю, Элис, – ответил Адамс, выдвинув ящик стола и вытаскивая шлем для ментафонной связи. Он надел его и приладил поудобнее.

В мозгу тут же забегали мысли – чужие, беспорядочные, далекие. Неведомо чьи мысли, носившиеся во всей Вселенной, – обрывки мыслей неведомых существ из неведомого времени и пространства.

Адамс поежился.

Никогда не привыкну, подумал он. Вечно буду дергаться, как мальчик, заслуживший порку.

Мысли-невидимки попискивали, пощелкивали в глубинах мозга, совсем как на волнах радиоприемника. Адамс закрыл глаза и откинулся в кресле.

«Привет, Торн», – подумал он. Ответная мысль Торна добралась до него – тихая, потрепанная, прошедшая расстояние более пятидесяти световых лет.

«Это вы, Адамс? У нас тут довольно паршиво».

«Да, это я. Что там у вас?»

Вместо ответа, откуда ни возьмись, влезла громкая, пронзительная, как модный шлягер, идиотская мысль:

«Потише, потише, рыба на крыше, кислород нынче дорого стоит».

Адамс выгнал из сознания эту абракадабру и попытался сконцентрироваться.

«Простите, Торн, повторите еще раз. Влез какой-то призрак и перебил нас».

Мысль Торна прозвучала более громко и отчетливо:

«Я хотел поинтересоваться насчет одной фамилии. Такое впечатление, что я слышал ее когда-то, но не уверен...»

«Что за фамилия? Кто вас интересуется?»

«Эшер Саттон. Меня интересует Эшер Саттон».

Адамс выпрямился в кресле, раскрыв рот от изумления.

«Как вы сказали?» – мысленно вскрикнул он.

Тут опять в сознание проник чей-то посторонний голос:

«Следуйте на Запад. На Запад, потом прямо...»

«Еще раз! – мысленно взмолился Адамс. – Еще раз, будьте добры, и помедленнее. Я плохо вас расслышал!»

«Дело было так. Помните, я вам сообщал о катастрофе? Погибли пятеро...»

«Да-да, конечно помню!»

«Ну так вот. Мы нашли там книгу – вернее, нечто, что раньше было книгой. Она оказалась рядом с одним из погибших. Почти целиком сгорела, вся обуглилась, сильно облучена. Роботы исследовали ее, как смогли, но почти ничего не выудили. Сохранились единичные слова. Каково ее содержание, понять невозможно...»

В течение мысли вмешивались гул и мурлыканье. Какие-то неоконченные предложения или, наоборот, окончания фраз. Помехи, мысленные помехи, в которых было нечто непонятное для человека, даже если бы удалось расслышать эти фразы целиком.

«Еще раз, – безнадежно отправлял свою мысль в пространство Адамс. – Еще раз, прошу вас!»

«Помните аварию, где пятеро погибли?»

«Помню прекрасно. Вернитесь к книге. Откуда там взялся Саттон?»

«Роботы нашли всего два слова. «Эшер Саттон». Такое впечатление, что он автор этой книги. Имя стояло на одной из первых страниц. Может быть, это был титульный лист...»

Адамс расслабился и почувствовал, как струйки холодного пота потекли по спине...

«Может быть, я напрасно трачу время, но меня не покидает ощущение, что я уже слышал это имя раньше».

«Конечно слышали, – мысленно ответил Адамс. – Саттон был на 61-й Лебедя».

«О, так это он?!»

«Да, и сегодня утром он вернулся».

«Ну, тогда это не он. Наверное, однофамилец какой-нибудь».

«Наверное».

«У меня все, – сказал Торн. – Имя не давало мне покоя».

«Продолжайте расследование, – ответил Адамс. – И сообщайте немедленно, как только что-нибудь выясните».

«Обязательно, – пообещал Торн. – До свидания».

«Спасибо, что держите меня в курсе. Всего доброго».

Адамс стащил с головы шлем, открыл глаза, и вид собственного кабинета, такого привычного, земного, освещенного ласковым солнцем, почти шокировал его.

Он сидел в кресле, совершенно разбитый, и напряженно вспоминал...

В сумерках пришел человек, пересек двор, сел рядом в полумраке и завел странный разговор, сумасшедший разговор с точки зрения нормального человека. «Когда Саттон вернется, он должен быть убит». «Я – ваш преемник». Белиберда, полная белиберда. Поверить невозможно. А ведь, наверное, надо было бы его выслушать более внимательно и постараться понять. Как можно допустить мысль о том, что человека можно убить после двадцатилетнего отсутствия? Особенно такого человека, как Саттон!

Саттон – отличный сотрудник. Один из лучших в Бюро. Опытный, прекрасно разбирающийся во внеземной психологии, крупный авторитет в галактической политике. Кроме него, просто некому было поручить исследование 61-й Лебеда. Кроме Саттона, никто бы не справился. А справился ли он?

Этого Адамс не знал.

Завтра он появится и сам мне все расскажет, успокоил он себя, отодвинул шлем и ослабевшей рукой нажал клавишу на пульте.

– Элис, принесите-ка мне досье Эшера Саттона, будьте добры.

– Хорошо, мистер Адамс.

Адамс откинулся в кресле, потянулся. Плечи приятно согрело солнце. Тиканье часов успокаивало...

Да, думал Адамс. Тут за пятнадцать-то минут с ума сойдешь, а ведь тысячи сотрудников дни и ночи напролет только этим и занимаются – вслушиваются во вселенский эфир, охотясь за отдельными словами и предложениями, пытаются уловить смысл, выудить из них то, что могло бы пойти на пользу человечеству: новую технологию, новую науку, о которых люди пока не могут и помышлять.

Но не только переговоры на расстоянии в десятки и сотни световых лет и технический шпионаж составляли задачу проекта ментафонной связи. Было и другое... Человечество боялось новой философии, новой идеи, могущей поколебать границы, которые с таким трудом приходилось удерживать. Все должно было оставаться как есть.

Новая идея, подумал Адамс, не дай бог!

Глава 7

Видимо, эти люди ждали именно Саттона, и, как только он вышел из кабины лифта, они направились ему навстречу.

Их было трое, они встали перед ним в ряд, как загонщики.

– Мистер Саттон? – спросил один из них, и Саттон утвердительно кивнул.

Мужчина, обратившийся к нему, выглядел так себе. Может, он и не провел ночь не раздеваясь, но выглядел именно так. В заскорузлых грязных руках он мял выдавшую виды кепку. Давно не стриженные ногти украшали траурные каемки грязи.

– Чем могу быть полезен? – спросил Саттон.

– Мы хотели бы поговорить с вами, сэр, если вы не возражаете, – сказала единственная женщина в этом странном трио. – Видите ли, мы – что-то вроде делегации.

– Честно говоря, я собирался пообедать, – рассеянно сказал Саттон.

Женщина изо всех сил кокетливо улыбалась.

– О сэр, – заволновалась она, – мы вас долго не задержим. Позвольте представиться. Меня зовут миссис Джеллико, – сказала она таким тоном, будто это сообщение должно было несказанно обрадовать Саттона. – А вот этот джентльмен, что обратился к вам, мистер Гамильтон. А это – капитан Стивенс.

Капитан Стивенс, как отметил Саттон, казался крепким мужчиной и одет был гораздо приличнее своих спутников. Его голубые глаза, казалось, говорили: «И я не в восторге от них, Саттон, но что делать – так уж вышло...»

– Капитан? – заинтересовался Саттон. – Звездолетчик?

Стивенс кивнул.

– В отставке. – Он откашлялся. – Мы просим извинения, мистер Саттон, что потревожили вас. Мы хотели подняться к вам в номер, но нас не пустили. Мы ждали несколько часов. Надеюсь, вы не откажете нам.

– Ну пожалуйста, это совсем недолго, выслушайте нас, – умоляюще замурлыкала миссис Джеллико.

– Может, тут в холле и присядем? – буркнул Гамильтон, продолжая усиленно мять кепку.

– Как вам будет угодно, – нехотя согласился Саттон и сел в кресло. – Ну, что же у вас за дело?

Миссис Джеллико набрала воздуха, собираясь, видимо, произнести длинную тираду.

– Мы представляем Лигу Борьбы за права андроидов, – начала она торжественно и сделала еще один глубокий вдох.

Но тут вмешался Стивенс, не дав ей перейти в галоп.

– Я надеюсь, мистер Саттон, вы слышали о нас?

– Я знаю о существовании Лиги, – подтвердил Саттон.

– О! – вмешалась миссис Джеллико. – Тогда, может быть, вы знакомы и с какими-нибудь нашими изданиями?

– Нет, – признался Саттон. – Как-то не довелось.

– Значит, мы правильно сделали, что захватили кое-что с собой! – радостно воскликнул Гамильтон и, запустив грязную лапищу во внутренний карман мятого пиджака, достал пачку разлохмаченных листков и потрепанных брошюр.

Он вручил все это Саттону, тот рассеянно взял бумаги, повертел и положил на пол около кресла.

– Говоря коротко, – сказал Стивенс, – мы придерживаемся точки зрения, что у андроидов должны быть равные права с людьми. Ведь они же настоящие люди, за исключением одного...

– Им нельзя иметь детишек, – трагически произнесла миссис Джеллико и смахнула слезу.

Стивенс вздернул белесые брови и, взглянув на Саттона так, будто просил прощения, опять откашлялся.

– Это именно так. И вы это, конечно, знаете. Они абсолютно стерильны. Иначе говоря, люди научились производить на свет совершенное во всех отношениях человеческое тело, но оказались неспособны разрешить загадку биологического размножения. Было предпринято множество попыток создать яйцеклетку, способную к оплодотворению, но все безуспешно.

– Не все потеряно, я надеюсь, – попытался утешить его Саттон. – Научимся когда-нибудь.

Миссис Джеллико энергично затрясла головой.

– Мы многого не знаем, мистер Саттон, – заявила она с подчеркнутой таинственностью. – Многое от нас скрывают. Есть силы...

Тут Стивенс снова прервал ее.

– Короче говоря, сэр, мы хотели бы добиться равенства между людьми и андроидами, то есть между теми, кто появился на свет божий обычным путем, и теми, кто создан в лаборатории. Мы считаем, что они такие же человеческие существа, как мы, и, следовательно, должны пользоваться такими же привилегиями. Мы, люди, создали андроидов для того, чтобы увеличить численность человечества, чтобы как можно больше людей могли занять командные посты в Галактике. Я надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что все неурядицы, происходящие в Галактике, вызваны не чем иным, как недостатком людей?!

– Да, я это прекрасно знаю, – ответил Саттон. А про себя подумал: ничего удивительного, что эту Лигу все считают сборищем идиотов; стареющая кокетка, чумазый маразматик и отставной звездолетчик, которому время девать некуда.

Стивенс продолжал:

– Тысячи лет назад люди покончили с рабством. Но теперь рабами стали андроиды. Они не хозяева своей судьбы. Они служат людям, от которых, в сущности, ничем не отличаются.

Из книг вычитал, подумал Саттон. Говорит совсем как страховой агент или агитатор по подписке.

– Что же вы хотите от меня? – сказал он вслух.

– Мы хотим, чтобы вы подписали обращение, – улыбаясь во весь рот, сообщила миссис Джеллико.

– И внес пожертвование?

– Ну что вы, боже сохрани! – торопливо вмешался Стивенс. – Вашей подписи будет вполне достаточно. Это все, о чем мы хотели попросить. Так приятно, когда получаешь поддержку от людей известных.

Саттон резко поднялся.

– Мое имя, – сказал он сухо, – вовсе не так уж известно.

– Но мистер Саттон!.. – засуетилась миссис Джеллико.

– Я сочувствую вашим целям, – обрубил Саттон, – но весьма скептически отношусь к избранным вами методам. А теперь прошу извинить меня – мне пора обедать.

Он церемонно раскланялся и направился к ресторану. На полпути кто-то нагнал его и схватил за локоть. Он рассерженно обернулся. Это был Гамильтон.

– Вы там забыли кое-что, – обиженно проговорил он и всучил ему растрепанные агитки.

Глава 8

Зажужжал зуммер, и Адамс нажал клавишу.

– Да, – сказал он. – Ну что там?

– Личное дело, сэр. Досье Саттона, – запинаясь, проговорила Элис.

– Что с ним?

– Оно исчезло, сэр.

– Может быть, у кого-нибудь на руках?

– Нет, сэр, я проверила. Его выкрали.

Адамс вскочил.

– Выкрали?

– Выкрали, – ответила Элис. – Это точно. Двадцать лет назад.

– То есть как это двадцать лет назад?

– Мы все проверили, сэр. Досье украдено через три дня после того, как мистер Саттон улетел на 61-ю Лебедя.

Глава 9

Адвокат представился как Веллингтон. И по метке на лбу, замазанной тонким слоем грима, и по голосу было ясно, что он андроид.

Адвокат аккуратно положил на стол шляпу, аккуратно сел на стул и поставил на колени тоненький портфельчик. Протянув Саттону свернутый в трубочку лист бумаги, он вежливо сказал:

– Ваша газета, сэр. Она лежала под дверью. Я подумал, что вам она, наверное, нужна.

– Благодарю вас, – сказал Саттон.

Веллингтон откашлялся.

– Вы Эшер Саттон? – спросил он.

Саттон кивнул.

– Я представляю интересы одного робота, известного под именем Бастер. Надеюсь, вы его помните?

Саттон резко наклонился вперед:

– Помню? Еще бы мне его не помнить! Да он мне отца заменил! Он вынянчил меня после смерти родителей. Он служил в нашем доме почти четыре тысячи лет!

Веллингтон еще раз откашлялся.

– Все правильно.

Саттон откинулся в кресле, теребя газету.

– Ради бога, только не говорите мне...

Веллингтон успокаивающе покачал головой:

– Нет-нет, не беспокойтесь, беды никакой не случилось. И не случится, если вы не донесете на него.

– Что он натворил? – обеспокоенно спросил Саттон.

– Он убежал.

– О боже! Убежал! Куда?

Веллингтон поерзал на стуле:

– Полагаю, на одну из планет в созвездии Тауэр.

– Но, – запротестовал Саттон, – это же безумно далеко! Почти на краю Галактики!

Веллингтон кивнул:

– Он купил себе новый корпус, звездолет и улетел.

– На какие деньги? – спросил Саттон удивленно. – Откуда у Бастера деньги?

– Ну, деньги у него как раз водились. Он их копил, как вы сказали, четыре тысячи лет или около того. Что-то гости давали, что-то дарили на Рождество и тому подобное. За четыре тысячи лет набегала кругленькая сумма.

– Но зачем? – спросил Саттон. – И что он там собирается делать?

– Он собирается там построить дом. Он не прячется. Вы можете его отыскать, если захотите. Его беспокоит только одно: он хотел бы жить под вашей фамилией, если вы не будете возражать. Он очень на это надеется.

Саттон пожал плечами.

– Конечно, я не возражаю. У него столько же прав на эту фамилию, как и у меня...

– Значит, вы не против? – обрадовался Веллингтон. – Ведь, в общем-то, он был вашей собственностью...

– Нет, – ответил Саттон. – Ничего не имею против. Только мне так хотелось его увидеть... Я звонил домой, но там никто не отвечал. Я-то думал, что он просто вышел куда-нибудь, а он...

Веллингтон пошарил во внутреннем кармане плаща.

– Он оставил вам письмо, – сказал он, протягивая Саттону конверт, – и еще старый чемодан, он у меня в офисе. Сказал, что там старые семейные бумаги, которые вас могут заинтересовать.

Саттон ничего не ответил. Он вспоминал...

...У ворот росла яблоня, и каждую весну маленький Эш обедался зелеными яблоками, а Бастер терпеливо его выхаживал – ведь последствия поедания зеленых яблок во все времена одинаковы... Выхаживал, а потом задавал хорошую трепку, дабы научить Эша уважать собственный организм. А когда соседский мальчишка как-то отколотил Эшера по дороге в школу, то не кто иной, как Бастер, отвел его на задний двор и научил драться головой и кулаками...

Саттон непроизвольно сжал кулаки, вспомнив, как ему нравилась эта тренировка, несмотря на разбитые костяшки. Соседский мальчишка неделю ходил со здоровенным синяком под глазом, зато потом стал его лучшим другом...

– Насчет чемодана, сэр. – Голос Веллингтона прервал нить воспоминаний. – Хотите, чтобы вам его доставили?

– Да, конечно, – ответил Саттон. – Будьте так добры, распорядитесь.

– Вам доставят чемодан завтра утром, – сказал адвокат, затем взял со стола шляпу, встал и поклонился. – Хочу искренне поблагодарить вас, сэр, от имени своего клиента. Он так и говорил мне, что вы все поймете и будете снисходительны.

– Это не снисходительность, – ответил Саттон, – а справедливость. Он отдал нашей семье столько лет. И заслужил свободу.

– Всего наилучшего, сэр, – попрощался Веллингтон.

– Всего наилучшего, – искренне ответил Саттон, – и большое вам спасибо.

Одна из русалок свистом поманила Саттона. Тот строго посмотрел на нее и сказал по-отечески:

– В последнее время, милочка, ты ведешь себя просто непристойно!

В ответ она показала ему нос и нырнула.

Дверь за Веллингтоном тихо закрылась. Саттон взял конверт и достал письмо на одной страничке:

«Дорогой Эш!

Сегодня я зашел к мистеру Адамсу, и он сказал мне, что боится, будто ты уже не вернешься, но я сказал ему, что знаю, что ты вернешься обязательно. Так что я улетаю не потому, что думаю, что ты не вернешься. Я знаю, что ты непременно вернешься. Когда ты покинул меня и улетел совсем один, я почувствовал, какой я старый и никому не нужный. Во всей Галактике, где столько всяких дел, мне делать было нечего. Ты сказал мне, что хочешь, чтобы я остался в старом доме и чтобы я не волновался, и я знал, что ты говорил так потому, что ты добрый и никогда не продаст бы меня, даже если бы я совсем-совсем не был тебе нужен. Поэтому я и решил на то, о чем всегда мечтал. Я отправляюсь на одну планету. Мне сказали, что это неплохая планета, и я постараюсь сделать там что-нибудь хорошее: построю дом, заведу хозяйство, и, может быть, ты когда-нибудь прилетишь ко мне и наведишь старика.

Твой Бастер.

Р. С. Если я понадобится тебе, адрес можешь узнать в справочном бюро».

Саттон был совершенно растроган. Он грустно сложил листок и убрал в карман. Он сидел в кресле, безучастно слушая мурлыканье ручейка, доносившееся с картины. Пела птица, в изгибе ручья плескалась рыба.

Завтра, думал он, я увижу Адамса. Может быть, мне удастся узнать, есть ли в происходящем доля его участия. Хотя ему-то это зачем? Я ведь на него работаю!

Саттон покачал головой.

Нет, не может быть, чтобы Адамс. Но кто-то должен за ним стоять! Кто-то, кто ждал его, а теперь следит...

Так ни до чего и не додумавшись, он машинально развернул газету. Это был свежий номер «Галактик пресс». Земные новости, как обычно, занимали верхний левый угол первой страницы, за ними шли марсианские, затем – венерианские, потом новости с пояса астероидов, потом – полторы колонки новостей со спутников Юпитера, потом – с планет, расположенных за пределами Солнечной системы. Новости из более отдаленных уголков Галактики, как он помнил, печатались на развороте. Параграф-другой на каждое событие.

Хотя, подумал Саттон, редакцию трудно упрекнуть в легкомысленности. Новостей из бесчисленных миров и цивилизаций так много! Ну а потом, были ведь и другие газеты, где информация из различных секторов Галактики давалась более подробно. А в «Галактик пресс» в сокращенном виде можно было познакомиться со всем сразу. Такая газета необходима Земле – административному центру Галактики.

Саттон пробежал глазами земные новости.

«Землетрясение в Восточной Азии». «Строительство нового подводного комплекса для размещения сотрудников и гостей из водных миров». «Старт трех новых звездолетов в сектор 19».

И вдруг:

«Эшер Саттон, специальный агент Департамента Галактических Исследований, сегодня вернулся из экспедиции с 61-й Лебедя после двадцатилетнего отсутствия. Надежды на его возвращение были утрачены еще несколько лет назад. Сразу же после приземления его корабль был оцеплен, а сам он находится под надзором в гостинице «Пояс Ориона». Все попытки войти с ним в контакт и взять интервью оказались безуспешными. Вскоре после прибытия в гостиницу Саттон получил вызов на дуэль от Джеффри Бентона. Мистер Саттон выбрал пистолет и предпочел неформальный характер поединка».

Саттон еще раз перечитал заметку:

«Все попытки войти с ним в контакт...»

Геркаймер сказал, что в холле Саттона ожидают репортеры и фотографы, а десятью минутами позже Фердинанд заверил его, что там никого нет. Саттону никто не звонил. Никто не пытался прорваться к нему. Ну да! Не пытался! А делегация из Лиги? То-то! Значит, пытались, и не только они, однако попытки кто-то пресекал, мягко и незаметно. Все понятно. Все это делается по приказу того же человека, который знал о его возвращении.

Он уронил газету на пол.

Меня вызвал один из самых известных, если не самый известный на Земле дуэлянт. Старый фамильный робот удрал. Или его вынудили удрать? Журналистов ко мне не пустили...

Вдруг раздался звонок. Саттон вскочил. Кто-то звонил по видеофону. Это был первый звонок за все время! Он дотянулся до пульта и нажал клавишу. На экране появилось жен-

ское лицо. Гранитно-серые глаза, кожа белая, как лепесток магнолии, корона медно-рыжих волос...

– Меня зовут Ева Армор, – сказала девушка. – Это я просила вас подождать меня внизу, в лифте.

– Я узнал вас, – ответил Саттон.

– Я звоню, чтобы извиниться.

– Но вы ни в чем не виноваты...

– Нет, мистер Саттон, виновата. Вы подумали, что я смеюсь над вами, а я вовсе не смеялась.

– Я выглядел потешно, – ответил Саттон, – могли и посмеяться.

– А вы не хотите пригласить меня поужинать? – спросила она.

– Конечно. С удовольствием приглашаю вас поужинать.

– А потом еще куда-нибудь пойдём, – предложила она. – Мы отлично проведем вечер!

– Договорились, – ответил Саттон.

– Буду ждать вас в холле в семь. Не опоздаю.

Экран померк, Саттон встал.

Они отлично проведут вечер, подумал он. Вот как это надо понимать.

Они отлично проведут вечер... и хорошо, если он доживет до завтра!

Глава 10

Адамс сидел, молча поглядывая на четверых экспертов, собравшихся в его кабинете, и пытался догадаться по выражениям их лиц, о чем они думают. Но лица их выглядели совершенно буднично.

Кларк, инженер-конструктор космической техники, постукивал по столу записной книжкой. Лицо его было непроницаемо спокойно.

Андерсон, анатом, крупный, грубоватый, раскуривал трубку, и казалось, что сейчас для него нет на свете ничего важнее.

Блэкберн, психолог, был поглощен разглядыванием кончика своей сигареты, а Шулькросс, эксперт-лингвист, утонул в кресле так, что казалось, там сидит не он, а его костюм.

Они что-то обнаружили, догадался Адамс. Даже, наверное, много чего обнаружили, но не все им понятно...

— Кларк, — предложил Адамс, — давайте начнем с вас.

— Мы осмотрели корабль, — сказал Кларк, — и обнаружили, что он начисто лишен полетных качеств.

— Тем не менее, — отметил Адамс, — Саттон привел его на Землю.

Кларк пожал плечами:

— С таким же успехом он мог прилететь на бревне. Или на булыжнике. Его корабль — груда бесполезной рухляди.

— Рухляди? Что вы имеете в виду?

— Двигатели полностью разрушены, — ответил Кларк. — Только благодаря аварийной автоматике они не рассыпались. Бортовая обшивка потрескалась, в некоторых местах — сквозные отверстия. Одно из сопл, что называется, вырвано с мясом. Вообще весь корабль искорежен донельзя.

— Вы считаете, была авария?

— Он здорово стукнулся обо что-то, очень резко. Швы обшивки разошлись, переборки треснули, внутри все перекосилось. Даже если бы удалось запустить двигатели, кораблем все равно было бы невозможно управлять. Даже если бы сопла были в порядке, не было бы возможности придерживаться курса. Эта куча хлама просто обязана была развалиться, не пролетев и десятка метров.

Андерсон откашлялся:

— А что должно было случиться с Саттоном, если он находился в корабле в момент удара?

— Он должен был погибнуть, — ответил Кларк.

— Вы уверены в этом?

— Никаких сомнений. Даже чудо не спасло бы его. Мы построили графическую модель ситуации. Если он находился в корабле, он неминуемо должен был погибнуть. Судя по диаграммам, у него не было ни единого шанса спастись.

— Саттон вернулся, — напомнил Адамс.

Наступила пауза. Адамс и Кларк смотрели друг на друга, готовые взорваться в любое мгновение. Молчание нарушил Андерсон.

— Скажите, Кларк, а не пытался ли Саттон отремонтировать корабль?

Кларк отрицательно покачал головой:

— Нет. Никаких попыток. И нечего было пытаться. И вообще, нам известно, что он ничего не смыслит в технике. А для того, чтобы отремонтировать ядерный двигатель, нужно иметь немалый опыт. Я говорю «отремонтировать», хотя по-настоящему его надо было монтировать заново.

Шулькросс впервые подал голос. Он заговорил легко, спокойно, не меняя положения в кресле.

– Может быть, мы не с того начали? – сказал он. – Лично у меня впечатление, что мы начали с середины. Нужно бы начать с самого начала, заложить фундамент для размышлений, и тогда мы лучше поймем, что же на самом деле произошло.

Все удивленно уставились на него, пытаясь догадаться, к чему он клонит. Шулькросс почувствовал, что нужно пояснить мысль.

– Скажите, Адамс, вы представляете себе, ну хотя бы приблизительно, что это за место, где побывал Саттон?

Адамс криво улыбнулся:

– Весьма приблизительно. Наверное, похоже на Землю. Это седьмая планета в системе 61-й Лебеда. В принципе, можно было отправить его на любую из семнадцати планет системы, но расчеты показали, что именно на седьмой должна существовать жизнь.

Он сделал паузу, скользнул взглядом по лицам присутствовавших и продолжил:

– 61-я Лебеда – наш ближайший сосед. Это одна из первых звезд, к которым отправился человек, покинув пределы Солнечной системы. И с тех самых пор ее загадка мучает нас, как заноза под ногтем.

– Потому что не можем ее вытащить! – усмехнулся Андерсон.

Адамс кивнул:

– Вот именно. Это недоступная система, секреты которой можно было бы раскрыть, лишь проникнув туда. Уже многие годы, – продолжал он, – мы исследуем Галактику, и не вам рассказывать, что всякое удалось повидать. Условия жизни, абсолютно несхожие с земными, непривычные и опасные формы жизни, общественные системы и психология обитателей других миров, от которых можно просто свихнуться. У меня, например, начинается головная боль, как только я принимаюсь обо всем этом размышлять. Но мы всегда могли посмотреть своими глазами, хотя бы посмотреть – я подчеркиваю – на все, что нас интересовало. С 61-й Лебеда все было иначе. Мы просто не могли попасть туда. Планеты там покрыты плотным слоем облаков, а самое главное – на расстоянии нескольких миллионов миль от системы начинает действовать эффект скольжения...

Тут он посмотрел на Кларка:

– Я верно говорю?

– На самом деле описать это невозможно, – отозвался Кларк. – Но лучше всего подходит слово «скольжение». Вы не останавливаетесь, скорость не уменьшается, но вас как бы отталкивают. Как будто корабль натывается на лед. Приборы ничего не регистрируют, однако преграда существует, и она непреодолима. Курс корабля отклоняется от заданного. Вы проводите коррекцию курса – и снова отклоняетесь. Я слышал, что, бывало, люди натурально сходили с ума, пытаясь приблизиться к системе, но им не удавалось ни на милю пробиться за некую воображаемую сферу.

– Да-да, – подхватил Адамс. – Все выглядит именно так. Как будто кто-то взял да и заключил систему в магический шар.

– Что-то вроде того, – подтвердил Кларк.

– Однако Саттон проник за эту черту, – констатировал Андерсон.

Адамс кивнул:

– Выходит, что так.

– Странно слышать это от специалиста, – процедил сквозь зубы Кларк. – Меня возмущает болтовня вокруг этой проблемы. Кое-кто, по-моему, вообще лишился рассудка. Говорят: «Наши корабли слишком большие. Если бы мы посылали звездолеты поменьше, мы бы проскользнули туда». Нет, как вам нравится?! Как будто там забор стоит и нужно в нем лазейку найти!

– Саттон проскользнул, – повторил Адамс настойчиво. – Его маленький корабль прошел там, где не смогли пройти большие.

Кларк упрямо покачал головой:

– Это бессмыслица. Размеры корабля ничего не меняют. Существует некий непонятный нам фактор, о котором мы даже никогда, по существу, не думали. Саттон действительно преодолел преграду, потерпел аварию при посадке и, если был внутри корабля, погиб. Но попал он туда не потому, что его звездолет был небольшой. Дело не в этом...

Все остальные сидели в напряженном ожидании.

– Но почему именно Саттон? – не вытерпел Андерсон.

Адамс спокойно объяснил:

– Корабль, как я уже сказал, выбрали небольшой. Можно было послать только одного человека, поэтому послали сотрудника, который лучше других мог справиться с работой, если бы проник туда.

– И Саттон лучше всех подходил?

– Да, – отрезал Адамс.

– Ну хорошо, – не унимался Андерсон, – допустим, он действительно лучше всех подходил для этой роли. Наверное. Ведь он, в конце концов, попал туда...

– Или его пропустили, – уточнил Блэкберн.

– Не обязательно, – возразил Андерсон.

– Но это вполне логично, – настаивал Блэкберн. – Почему мы хотим проникнуть в систему 61-й Лебеда? Чтобы узнать, опасна ли она. Я правильно понимаю?

– Правильно, – подтвердил Адамс. – Задача была именно такая. Все неизвестное потенциально опасно. И пока не узнаешь – не успокоишься. Именно такие инструкции и были даны Саттону: выяснить, нет ли опасности в этой системе.

– Следуя той же логике, – продолжал Блэкберн, – почему бы не допустить, что тамошние обитатели не хотят узнать то же самое о нас. Мы надоедаем им своими визитами несколько тысяч лет. Я вполне допускаю, что им тоже было бы интересно узнать нас поближе.

– Я понял, куда вы клоните, – кивнул Андерсон. – Получается, что они ждали, когда прибудет корабль с одним человеком на борту, поскольку пропускать корабль с большой командой и напичканный оружием не решались.

– Ну, что-то в этом роде, – подтвердил Блэкберн.

Адамс прервал их диалог и обратился к Кларку:

– Вы говорили о повреждениях. Вам удалось установить, когда именно они появились?

– Приблизительно двадцать лет назад.

– Давайте все-таки предположим, что Саттону каким-то чудом было известно, как отремонтировать корабль, – сказал Андерсон. – Тогда ему понадобились бы материалы, так?

– И очень много материалов, – ехидно уточнил Кларк.

– Жители той планеты могли дать ему все, что требовалось, – предположил Шулькросс.

– Если там вообще есть жители, – с сомнением сказал Андерсон.

– Не думаю, чтобы они смогли снабдить его материалами, – заявил Блэкберн. – Цивилизация, прячущаяся за силовым экраном, не может иметь развитой техники. Если бы у них была техника, они вышли бы в космос, вместо того чтобы прятаться. Я склонен полагать, что технически развитой цивилизации там нет.

– А экран? – спросил Андерсон.

– Он может не иметь никакого отношения к технике.

– Что толку от ваших предположений! – раздраженно воскликнул Кларк. – Саттон не ремонтировал корабль, сколько можно повторять! Он каким-то образом прилетел на нем

обратно без всякого ремонта. Он и не прикасался ни к чему. Там кругом толстенный слой пыли.

Шулькросс наклонился к столу.

– Одного не могу понять, – сказал он. – Кларк говорит, что сломано сопло, что сильно повреждена обшивка. Это же означает, что Саттон летел в открытом космосе одиннадцать световых лет!

– У него же был скафандр!

– Не было у него никакого скафандра, – невозмутимо произнес Кларк. Он огляделся, как будто опасался, что кто-то еще кроме четверых собеседников может услышать то, что он собирался сказать, и понизил голос. – И это еще не все. У него не было ни пищи, ни воды...

Андерсон постучал трубкой по ладони, и звук безответно повис в молчании. Старательно, как бы пытаясь сконцентрироваться на том, что делает, он стряхнул пепел с ладони в пепельницу.

– Мне кажется, я смог бы кое-что прояснить, – сказал он задумчиво. – Пока мы получим окончательный ответ, нам придется проделать еще уйму работы. И даже тогда мы, наверное, еще не будем совершенно уверены, что правы...

Он застыл в кресле, ощущая, как остальные с ожиданием смотрят на него.

– Я даже боюсь произнести вслух... – признался он.

Все молчали.

Часы на стене бесстрастно отсчитывали секунды. За окном в траве стрекотал кузнечик.

– Я полагаю, – наконец решился Андерсон, – что существо, вернувшееся на Землю, не человек.

Часы продолжали тикать. Кузнечик стрекотал в полной тишине.

– Но... – наконец прервал молчание Адамс, – отпечатки пальцев... И другие методы идентификации...

– Нет, я не то хотел сказать, – поправился Андерсон. – Это, безусловно, Саттон. В этом нет сомнения. То есть это его тело, его плоть. По крайней мере, в какой-то степени – то тело, которое двадцать лет назад покинуло Землю.

– К чему вы клоните? – вскричал Кларк. – Если тело его, значит, это Саттон, и он – человек.

– Ну, представьте, Кларк, что у вас неисправный звездолет и вы его ремонтируете. Добавляете деталь-другую, что-то выбрасываете, что-то налаживаете... Что вы получаете в итоге?

– Переделанный звездолет, – ответил Кларк. – Ну и что?

– Именно это я и хотел от вас услышать. Кто-то или что-то сделал то же самое с Саттоном. Он переделан. И переделан, доложу вам, потрясающе. У него два сердца, нервная система разветвлена гораздо сильнее, чем у обычного человека. Кроме того, у него есть система экстрациркуляции. Она абсолютно не похожа на нормальную систему кровообращения, но выполняет ту же функцию. Самое потрясающее – она не соединена с сердцем! Такое впечатление, что до сегодняшнего дня она не использовалась. Как будто запасная. То есть он пользуется обычной системой кровообращения, а в случае необходимости может переходить на запасную. – Андерсон убрал трубку в карман и нервно потер руки. – Вот примерно так.

Блэкберн всплеснул руками:

– В это невозможно поверить!

– Мы почти час обследовали Саттона, и, поверьте мне, каждый дюйм его тела исследован на самой совершенной аппаратуре. Все результаты зафиксированы. Мы продолжаем обработку информации и пока еще не закончили. Потребуется время... Но в одном мы потерпели полную неудачу. Мы применили психометр и не выудили ничего! Прибор не заре-

гистрировал ни единой мысли, ни единого намека на мысль. Его сознание заблокировано, полностью закрыто.

– Может быть, прибор барахлил? – предположил Адамс.

– Нет, мы все проверили, – покачал головой Андерсон. – И не раз. Прибор был в полной исправности. – Он обвел взглядом присутствующих. – Может быть, вы не совсем знакомы с принципом работы психометра? Дело в том, что, когда человек спит обычным сном, или под гипнозом, или в любом другом случае, когда он не догадывается, что его обследуют, психометр выворачивает его сознание наизнанку. Он вытаскивает наружу такие вещи, о которых человек наяву и не помышляет.

– Но с Саттоном ничего не вышло? – резюмировал Шулькросс.

– Вы правы. С Саттоном ничего не вышло. Я повторяю: он не человек.

– Значит, вы полагаете, что его организм изменен настолько, что Саттону и открытый космос нипочем?!

– Не знаю, – хрипло ответил Андерсон. Он облизнул губы и огляделся по сторонам, как затравленный зверь в поисках выхода. – Не знаю, – повторил он. – Честное слово, не знаю...

– Не стоит так пугаться, – мягко сказал Адамс. – Чужеродность организма – не такая уж необычная вещь. Мы уже сталкивались с этим не раз, с тех пор как начали осваивать космос.

Кларк нетерпеливо прервал его:

– Если бы речь шла об инопланетянине, Адамс! Но когда человек превращается в инопланетянина! – Сглотнув слюну, он обратился к Андерсону: – Как вы полагаете, он опасен?

– Не исключено, – ответил Андерсон.

– Даже если так, он не сможет причинить нам никакого вреда, – спокойно сказал Адамс. – Его номер в гостинице прослеживается насквозь лучами-шпионами. Ситуация полностью контролируется.

– Есть какие-нибудь сообщения? – поинтересовался Блэкберн.

– Самые невинные. Ничего особенного. Саттон держится довольно непринужденно. Несколько раз звонили ему. Несколько раз – он сам. Ему нанесли пару визитов.

– Он не может не понимать, что за ним следят, – сказал Кларк. – Он притворяется.

– Ходят слухи, – сказал Блэкберн, – что его вызвал на дуэль сам Бентон.

Адамс кивнул:

– Да, это так. Эш попытался избежать поединка, что говорит, пожалуй, о том, что он не агрессивен.

– Может быть, – как-то безнадежно проговорил Кларк. – Может быть, Бентон сработает в нашу пользу.

– Во всяком случае, – тонко улыбнулся Адамс, – я думаю, что вторую половину дня Эш провел в раздумьях о том, как ему разделаться с нашим мистером Бентоном.

Андерсон выудил из кармана трубку и принялся сосредоточенно набивать ее. Кларк рассеянно вертел сигарету.

– Вы хотели что-то добавить? – обратился к Шулькроссу Адамс.

– Да, – кивнул эксперт-лингвист, – но мне кажется, наша информация особого восторга не вызовет. В портфеле Саттона мы обнаружили рукопись. Мы скопировали ее и положили на место. Пока что сообщить особенно нечего, то есть мы не смогли прочитать ни одного слова...

– Шифр? – спросил Блэкберн.

Шулькросс покачал головой:

– Если бы! Роботы бы его расщелкали за пару часов. Но это не шифр. Это язык. А язык без ключа не расшифруешь.

– Вы, конечно, все проверили?

Шулькросс мрачно усмехнулся:

– Начиная с санскрита и шумерского. Сравнивали со всеми языками и диалектами Галактики. Не похоже ни на один.

– Язык... – задумчиво протянул Блэкберн. – Новый язык. Следовательно, Саттон что-то обнаружил...

– Вполне, вполне возможно, – пробурчал Адамс. – Он наш лучший сотрудник.

Андерсон пошевелился в кресле.

– Вам нравится Саттон? – спросил он с нескрываемым интересом. – Вам лично, Адамс, он нравится?

– Нравится, – просто ответил Адамс.

– Адамс, – продолжал Андерсон, – вот что удивительно, есть один момент, который мне не дает покоя с самого начала...

– Да, слушаю вас.

– Вы же знали, что Саттон вернется. Знали с точностью до минуты. И устроили засаду. Как это понять?

– Просто догадался. Чистая интуиция.

Наступило долгое молчание. Адамс больше не сказал ни слова. Совещание окончилось. Все встали.

Глава 11

В зале заведения, куда привела Саттона Ева, было шумно. Освещение все время менялось – от апрельской небесной синевы до умопомрачительного сочетания серого и красного цветов. Пол качнулся под ногами Саттона, и он почувствовал, как Ева крепче сжала его руку. Они сели за столик. Подошел хозяин, марсианин Заг. Впечатление было такое, что перед ними ожившая египетская мумия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.